

Дешевле только даром

Автор:

[Светлана Алешина](#)

Дешевле только даром

Светлана Алешина

Папарацци

Охотятся обычно за политиками, бизнесменами, криминальными авторитетами. Татьяна Чижова, пришедшая в редакцию газеты «Свидетель», не попадала ни под одну из данных категорий. Тем не менее эта скромная одинокая женщина утверждает, что на ее жизнь покушались. Желая помочь ей, главный редактор газеты Ольга Бойкова и остальные сотрудники взялись за дело и выяснили следующее. Оказывается, Татьяна Чижова знает тайну прошлого влиятельного в городе человека. А он готов на все, чтобы эту тайну сохранить. Вот оно – необозримое поле деятельности для дотошных папарацци...

Светлана Алешина

Дешевле только даром

Глава 1

Строго говоря, времена, когда газета стремилась вмешаться в ход каких-то событий и существенно на них повлиять, давно миновали. Незаметно отмирали рубрики типа «Письмо позвало в дорогу» и тому подобное. Фиксация фактов и развлечение читателя – вот только что осталось газетам. Журналистское удостоверение уже не обладает прежней магической силой. А титул «четвертая

власть», которым пресса периодически награждает сама себя, является не более чем утешительным призом. Добиваясь истины и справедливости, человек теперь не стремится прямым путем в редакцию, предпочитая более извилистые, но надежные пути. Доверие к силе печатного слова сохранили в некоторой степени лишь люди пенсионного возраста, но и те разочаровываются в нем все больше и больше.

Не знаю, как относиться к этому факту. Может быть, так и должно быть, и пресса просто заняла в обществе то место, которое заслуживает. Может быть, газета вовсе и не должна непосредственно вмешиваться в жизнь граждан – не знаю. Если это теперь общее правило, то следует заметить, что именно наша газета под названием «Свидетель», где я, Ольга Юрьевна Бойкова, работаю главным редактором, является исключением из правил.

Профиль нашей газеты – криминальная жизнь города. Но как-то так сложилось, что сотрудники «Свидетеля» заняты не только фиксацией фактов, а зачастую действуют как маленькое сыскное агентство, самостоятельно распутывая преступления и помогая людям восстанавливать справедливость. Повторяю, это произошло само собой, но после того как нам удалось расследование нескольких громких дел, в городе у нашей редакции сложилась весьма устойчивая и специфическая репутация.

Поэтому никто из нас не удивляется, когда время от времени на пороге редакции возникает очередной посетитель, явившийся не только за тем, чтобы сообщить какие-то факты, а чтобы попросить у нас помощи. Надо признаться, что, откликаясь на подобные просьбы, мы руководствуемся не одними альтруистическими соображениями. Большое значение имеет сенсационность факта, наличие загадки – все-таки у нас газета, а не настоящее сыскное бюро, – и, например, расследовать кражу белья мы не возьмемся. Но, как правило, с такими пустяками к нам и не обращаются. К нам приходят в минуту отчаяния, когда теряют надежду или не хотят огласки. Последнее звучит парадоксально применительно к газете, но своя логика в этом есть: ни один сюжет нами не публикуется без согласия его героев – разумеется, в том случае, если это не резко отрицательные герои. Правоохранительные органы мы тоже стараемся не тревожить без насущной необходимости. К сожалению, это не всегда получается.

Конечно, не обходится и без накладок. Зачастую к нам обращаются люди мнительные, шутники, аферисты или просто психи. Не всегда сразу удается

понять, с кем имеешь дело. В таком случае сотрудники обычно полагаются на мою интуицию, и право на окончательное решение всегда остается за мной.

В тот раз рабочий день только начался. Мы уже провели утреннее совещание и наметили план работы. Мои коллеги только что вышли из кабинета, и я осталась на несколько минут одна. У нас возникли некоторые проблемы с типографией, и я как раз собиралась туда позвонить. Именно в этот момент в кабинет опять заглянула Маринка, моя подружка и секретарша по совместительству.

- Оль, - сказала она озабоченно. - Пришла какая-то женщина, по виду - типичная домохозяйка. Что ей нужно, по-моему, она сама не особенно понимает. Может быть, ты с ней поговоришь?

Я очень ценю нашу секретаршу - она знает несколько языков и имеет высшее филологическое образование. Но даже не это является ее главным достоинством. Она готовит такой изумительный кофе, какой мне больше не доводилось пробовать ни разу в жизни. Это примиряет меня даже с той безоглядной легкомысленностью, какой отличается Марина в личной жизни. С утомительной регулярностью она без памяти влюбляется, переживает бурный трагический роман и неизменно разочаровывается. Самое неприятное, что в такие моменты странным образом начинает лихорадить всю редакцию, и тогда меня утешают только две вещи: во-первых, Марина всегда искренна в своих чувствах, а, во-вторых, несмотря на личные потрясения, на ее искусство варить кофе это никак не влияет.

Марина смотрела на меня, наморщив лобик, и в глазах ее читалась немедленная готовность избавиться от посетительницы по первому моему слову. Мне тоже не хотелось отвлекаться, но все-таки я сказала:

- Конечно, я с ней поговорю. Надеюсь, у меня это получится лучше, чем у тебя...

Марина с некоторой обидой пожала плечами и заметила:

- Ты же знаешь - люди не хотят исповедаться перед секретаршей, им обязательно нужно, чтобы их выслушал самый главный...

- Ну, значит, это точно ко мне, - вздохнула я. - Проси.

Марина исчезла, а затем в кабинет вошла женщина лет сорока, одетая в простенькое серое платье, с гладко зачесанными волосами, без каких-либо следов косметики на лице. У нее была хорошо сохранившаяся фигура и довольно приятные черты лица, которые портило лишь выражение постоянной озабоченности и резкие морщины, свидетельствующие о том, что женщина часто вынуждена находиться на солнце и слишком мало уделяет внимания уходу за своей кожей. В руках она держала объемистую хозяйственную сумку, с какой женщины обычно ходят на рынок. Сумка была пуста, из чего я заключила, что хозяйка прямо от нас намеревалась отправиться за покупками.

Женщина держалась робко и недоверчиво. Мне даже показалось, что она уже раскаивается в своем намерении посетить редакцию. Но в ней было что-то трогательное и располагающее, и я постаралась сделать все, чтобы она почувствовала себя увереннее. Усадив посетительницу в кресло, я предложила ей кофе.

– Нет, пожалуйста, не беспокойтесь! – немного глуховатым голосом ответила женщина. – По правде сказать, я давно отвыкла от кофе, да и с нервами у меня не все в порядке... – при этих словах между бровей у нее появилась тревожная складка. – Только не подумайте, ради бога, что я не в своем уме!..

– Я вовсе этого не думаю! – поспешно возразила я.

– Может быть, пока не думаете, – вздохнула женщина. – А как узнаете, зачем я сюда явилась...

– Я готова вас выслушать...

Женщина инстинктивно дотронулась кончиками пальцев до своей прически и с некоторым сомнением посмотрела на меня. Я заметила, что ногти у нее коротко острижены, без лака, а руки натруженные и грубоватые – наверняка вся домашняя работа выполнялась именно этими руками.

И еще одна деталь бросалась в глаза. Обычно, если встречаются две незнакомые женщины, между ними сразу же подспудно возникает соперничество. Это происходит на подсознательном уровне, но все женщины прекрасно об этом знают. Так вот, ничего похожего на соперничество в моей гостье не замечалось. Она как будто раз и навсегда смирилась с участью домохозяйки, вычеркнув из

своей жизни обычные женские уловки. Правда, мне не удалось избежать ее оценивающего взгляда – женщина пыталась понять, можно ли доверить свои проблемы такой, как я, – слишком молодой, слишком элегантной и слишком далекой, на первый взгляд, от проблем.

– Даже не знаю, как начать... – с неуверенной улыбкой произнесла она.

– Давайте сначала познакомимся, – предложила я. – Меня зовут Бойкова Ольга Юрьевна, а вас?

– Чижова Татьяна, – тихо сказала женщина. – Татьяна Петровна.

– Очень приятно, – кивнула я. – Итак, Татьяна Петровна, что вас привело к нам? Вас беспокоят какие-то проблемы?

Чижова устало провела по щеке тыльной стороной ладони и с прежней неуверенностью проговорила:

– Да, наверное... Только я не знаю, как это сказать, чтобы вы не сочли меня полной дурой... Дело в том, что, кажется, меня хотят убить...

Сказав это, она испуганно посмотрела на меня, словно ожидая, что я немедленно выставлю ее из кабинета. К сказанному она не торопилась ничего добавить, поэтому я, выдержав небольшую паузу, осторожно спросила:

– Простите, если дело так серьезно, почему вы обратились не в милицию, а в нашу газету?

Чижова замаялась.

– Правда, я, наверное, зря пришла, – потерянно произнесла она. – Не знаю, почему мне пришло в голову... Хотя я слышала, что вы иногда помогаете поймать преступников...

– Наверное, это слишком громко сказано, – мягко возразила я. – Просто иногда мы проводим собственное расследование. Но, в конечном счете, ловит преступников все-таки милиция...

– Вообще-то мы обращались в милицию, – вдруг сказала Татьяна Петровна. – Но, по-моему, они мне не поверили... То есть не то чтобы не поверили, но, мне кажется, не придали этому значения. Сейчас такая преступность... Я еще, наверное, не сумела их убедить...

– Ну что же, попробуйте тогда убедить меня, – сказала я рассудительным тоном. – Вы только успокойтесь и расскажите все по порядку.

– Я попробую, – сказала Чижова. – Дело в том, что мне и самой все это кажется немного глупым. Но я ужасно боюсь.

– Может быть, все-таки кофе? – еще раз предложила я.

– Нет, спасибо, – мотнула головой Чижова. – Все-таки не надо. Я и так вся взбудоражена. Лучше я сейчас сосредоточусь и расскажу вам...

Она опять нервно коснулась волос, глаза ее сделались серьезными и как бы отсутствующими.

– Вообще-то впервые я насторожилась в трамвае, – быстро заговорила Татьяна Петровна, словно опасаясь, что я прерву ее после первых же слов. – Дней десять назад. Я просто ехала на работу и почувствовала, что на меня смотрят. Вообще-то я редко замечаю, что творится вокруг... Живу одна, взрослый сын, голова, знаете, занята одним и тем же... И поесть надо, и за квартиру заплатить, и одеться... А учебники? Вы знаете, сколько сейчас стоят школьные учебники? – Она посмотрела на меня так, что стало ясно – цена на учебники пугает ее ничуть не меньше, чем убийство. – Ну, вот... А тут я обратила внимание, что он на меня смотрит...

– Он – это кто? – поинтересовалась я.

– Знаете, один тип, – неприязненно сказала Чижова. – Очень неприятный, какой-то неряшливый, отталкивающий тип... У него был очень тяжелый, скверный взгляд. И он пристально смотрел на меня. А когда заметил, что я тоже смотрю на него, тут же отвернулся и попытался скрыться в толпе... Вернее, он скрылся. Больше я его не видела. Но настроение было испорчено на весь день. Словно я прикоснулась к чему-то грязному, понимаете?

Я ободряюще кивнула, заметив:

- Но ведь это, наверное, не все, что вы хотели мне рассказать? У этого случая было какое-то продолжение, если я не ошибаюсь?

- Да, конечно! - поспешно согласилась Чижова. - Разве я стала бы беспокоить вас из-за того, что мне в трамвае не понравился какой-то человек! Собственно, я тут же о нем и забыла и никогда бы не вспомнила, если бы на следующий день он на меня не напал!

- Он напал на вас?! И вы уверены, что это был тот самый человек?

Видимо, Чижову тоже смущал этот вопрос. Она некрасиво наморщила лоб и объяснила, стараясь говорить как можно убедительнее:

- Понимаете, поклясться в этом я не могу. Но очень похож. Просто напал он на меня поздно вечером - было уже темно. Я возвращалась домой, а там у нас с освещением неважно. Я имею в виду, на улице...

- А где вы работаете? - спросила я.

- В детском доме, воспитателем, - ответила Чижова. - Это на Кутузовской улице. Я сейчас подрабатываю, поэтому мне приходится поздно возвращаться. А сегодня я взяла отгул.

- Значит, этот человек напал на вас на Кутузовской улице?

- Да. От детского дома десять минут ходьбы до трамвайной остановки. Прохожих там мало и, надо сказать, довольно страшновато. Но до сих пор ничего подобного не случилось. Если бы не сын, не знаю, чем бы и закончилось...

- Простите, сын? - не поняла я.

- Да, именно в этот день сын решил меня встретить, - объяснила Чижова. - Видите ли, он потерял свои ключи и не мог попасть домой. Тогда он решил меня встретить. Я думаю, это судьба.

– Что же все-таки произошло? – спросила я.

– Ну, я шла к остановке... Торопилась. Я вообще всегда хожу быстро и почти не смотрю по сторонам. Этот человек вышел из переулочка. Наверное, он давно ждал меня там. Передо мной шла женщина – он ее не тронул. Я заметила его в последний момент. В руках у него сверкнул нож. Я едва успела загородиться сумкой и закричала. Вообще-то я очень испугалась, но, знаете, мне страх придает силы – я всегда сопротивляюсь... – при этих словах лицо Татьяны Петровны неожиданно помертвело, словно она вспомнила что-то чудовищное, о чем вспоминать было нельзя.

Я не стала ее торопить, но пауза затягивалась, и мне пришлось спросить:

– Вы себя хорошо чувствуете?

– А? Что? – спохватилась Чижова, и взгляд ее прояснился. – Извините, я просто задумалась. Наверное, я кажусь вам странной. Но у меня от всего этого мозги набекрень...

– Я понимаю, – мягко сказала я. – Но давайте закончим. Итак, он напал на вас с ножом. Он что-то потребовал от вас?

– Нет! В том-то и дело, что все было так нелепо и неожиданно. Я только внезапно увидела бросившуюся на меня тень и сверкнувший нож.

– Вы закричали, – напомнила я.

– Да, закричала, – сказала Чижова. – Без особой надежды, рядом ведь никого не было. Просто от страха. И вдруг услышала, что кто-то бежит ко мне. Тогда я еще не знала, что это сын. Он шел от остановки и услышал мой крик. И сразу бросился на помощь. Конечно, знай я, что он там, ни за что не закричала бы. Лучше бы сама погибла, чем подвергать опасности ребенка.

– Сколько лет вашему сыну? – поинтересовалась я.

– Шестнадцать, – сказала Чижова.

- Смелый мальчик, - заметила я. - Ведь он, наверное, видел этого бандита?

- Видел, конечно, - вздохнула Чижова. - Но это его не остановило. Он вообще у меня безрассудный. Ничего не боится. Мне это не очень нравится, но, наверное, не будь Игорь таким, я сейчас с вами не разговаривала...

- Его зовут Игорем? - уточнила я. - Значит, он спугнул бандита?

- Если бы! - с горечью произнесла Чижова. - Он стал с ним драться.

- Шестнадцатилетний подросток - с вооруженным бандитом? - удивилась я. - Он у вас действительно не из трусливых! Но как же он справился?

- Видите ли, Игорь занимается тяжелой атлетикой, - сказала Чижова. - Он очень сильный для своего возраста. Да что там - не всякий взрослый может с ним тягаться! Правда, из-за своих занятий Игорь очень плохо растет, и это меня беспокоит... Но я опять не о том! В общем, Игорь сцепился с этим типом и сумел выбить у него нож. Но тому удалось Игоря серьезно ранить - он повредил ему связки на правой руке. Теперь Игорь лежит в больнице. Я хожу к нему каждый день, а в тот раз провела в палате всю ночь. Представляете, каково мне было сознавать, что из-за меня ребенок едва не стал инвалидом!

- Да, это ужасно! - сказала я. - Но, наверное, ваш сын так же укорял бы себя, если бы вы пострадали. Кстати, вы не были ранены?

- Нет, - виновато сказала Чижова. - Ни одной царапинки. Только всю сумку мне изрезал... Я, дура, сначала из-за этой сумки расстроилась. Когда Игорек как следует навалял этому типу и тот был вынужден бежать, я сгоряча ничего не заметила. Только потом, когда мы на остановку пошли, я смотрю, он руку зажал и весь в крови! Но тут уж я настояла на своем и отвела его в больницу. Там же рядом, в шестую горбольницу. Его положили в травматологическое отделение. Пришлось пробыть там всю ночь. Во-первых, мне было страшно за Игоря, а во-вторых, у меня не хватило бы духу возвращаться ночью домой.

- И тогда вы обратились в милицию? - догадалась я.

– Нет, мне это почему-то не пришло в голову, – призналась Чижова. – В милицию сообщил врач. Утром пришел какой-то лейтенант, задавал вопросы... Потом он нас утешил – сказал, что шансов поймать этого негодяя практически нет. Тогда это меня не слишком огорчило – главное, что Игорь был жив. Я уже успокоилась и подумала: мало ли чего не бывает – ну, напал какой-то придурок, больше-то этого не повторится...

– Следует понимать, что это повторилось? – спросила я.

– В каком-то смысле, – печально сказала Чижова. – Наутро я прямо из больницы отправилась на работу и домой попала уже после обеда. – Она подняла на меня усталые глаза и сказала с отчаяньем: – Замок в двери был взломан! Ночью в квартире кто-то был. Ничего, правда, не взяли... Хотя у нас и братья-то нечего! Но, я думаю, дело вообще не в этом. Кто-то опять искал меня! У них не получилось расправиться со мной на улице – тогда они решили достать меня дома...

– Вызывали милицию? – спросила я.

– Из-за сломанного замка? – махнула рукой Татьяна Петровна. – Господи, кто этим будет заниматься? А если я сообщу в милиции, что меня, мать-одиночку, с зарплатой семьсот рублей, разыскивают наемные убийцы, то, пожалуй, меня тут же отправят в психушку!

– Почему же именно наемные? – возразила я. – Большая часть убийств, как это ни прискорбно, происходит на бытовой почве. Может быть, кто-то из родственников...

– Из родственников у меня здесь только сын, – отрезала Чижова. – Жила когда-то тетка – от нее мне досталась эта однокомнатная квартира. Больше никого у нас здесь нет.

– Может быть, сын? – предположила я. – Вы знаете, с кем он водит компанию?

– Шестнадцать лет – трудный возраст, – серьезно сказала Татьяна Петровна. – Но на сына мне грех жаловаться. Он очень заботливый. Наверное, он что-то от меня скрывает, но друзей его я знаю. Ребята непростые, может быть, даже чересчур агрессивные, но возьму на себя смелость утверждать – с преступным миром они

не связаны. У них есть цель в жизни: один хочет поступать в военное училище, другой уже выступает за юношескую сборную, Игорь интересуется информатикой... К сожалению, материально мы стеснены, и мечты могут так и остаться мечтами. Но пока я за своего сына спокойна.

- Соседи? - не отставала я.

- Я редко общаюсь с соседями, - ответила Чижова, - тем более не вступаю в конфликты. Нет, думаю, соседи здесь ни при чем.

Она замолчала и посмотрела на меня с чувством исполненного долга. Наверное, теперь, когда ее выслушали, Чижовой стало легче, и, кроме того, она, кажется, всерьез надеялась, что я сумею ей чем-то помочь.

- Значит, вы хотите сказать, что вас намереваются убить просто так, ни за что? - осторожно спросила я.

Чижова виновато пожала плечами.

- Получается, так, - сказала она. - Звучит глупо, но ничего в голову мне не приходит. Мы с сыном ведем тихую, скромную жизнь, никому не мешаем. Я все время на работе. Сейчас я даже ночью там - одной дома страшновато. Сын учится, и довольно неплохо... Много времени отнимает у него секция. Кому мы перешли дорогу - ума не приложу.

- Может быть, это случайное совпадение? - предположила я.

- Может быть, - грустно ответила Татьяна Петровна. - Я сама себя в этом убеждаю. Но потом вспоминаю, как все это складывалось в одну цепочку - человек в трамвае, нападение и взлом квартиры, - и мне делается не по себе. Не столько жалко себя, а сына. Ему еще надо встать на ноги, а что он будет делать без меня?

- Вы уверены, что ему ничего не грозит? - спросила я.

- Нет, конечно, - поспешно сказала Чижова. - Просто у меня сложилось впечатление, что охотятся за мной...

– Согласитесь, все-таки это странно, – не слишком любезно проговорила я. – Охотятся за бизнесменами, политиками, криминальными авторитетами... Вас трудно отнести к какой-либо из этих категорий. Честно говоря, не знаю, что вам сказать.

– Значит, я зря отнимаю у вас время? – лицо Чижовой опять приняло озабоченное выражение.

Она не обиделась и не огорчилась. Просто в перечень ежедневных забот она мысленно внесла еще один пункт – наемный убийца – и удовлетворилась этим. Мне стало немного стыдно перед этой женщиной, несущей свою нелегкую ношу с покорностью и редким мужеством. Даже если ей примерещилась эта охота – все равно она заслуживала сочувствия и внимания.

– Давайте встретимся еще раз, – предложила я. – Пока я все хорошенько обдумаю, и вы, возможно, еще что-нибудь вспомните... Давайте только договоримся, когда и где.

Чижова уже поднялась с кресла и теперь теребила ручку хозяйственной сумки. Никаких следов от ножа на ней не было, из чего я заключила, что это другая сумка.

– Завтра я весь день работаю, – задумчиво проговорила она. – Сегодня после обеда побегу к Игорю в больницу, а оттуда – в детдом ночевать... Даже не знаю, как нам с вами договориться...

– Знаете, что, – предложила я, – давайте я вместе с вами везде побываю – встретимся у вас дома, а потом поедem в больницу. Заодно я с Игорем поговорю, если не возражаете.

– Что ж тут возражать, – сказала Чижова. – Если у вас есть время... Подходите к часу. Я живу по адресу: улица Перспективная, дом сто четырнадцать, квартира тридцатая. К часу, я думаю, успею управиться и буду вас ждать. Приходите.

Мой рассказ произвел на сотрудников неоднозначное впечатление. Марина кивнула с таким глубокомысленным видом, будто эта история была ей давно известна, и сказала:

– Так я и думала: у этой дамочки крыша поехала!

Зато наш курьер, семнадцатилетний Ромка, преисполненный юношеского энтузиазма, пришел в восторг.

– Здесь какая-то тайна! – заявил он. – Лично мне эта женщина показалась совершенно нормальной. Просто она, сама не подозревая об этом, оказалась втянутой в какую-то аферу. Мы должны ей помочь!

Фотограф Виктор, худой, высокий и очень сдержанный человек, попросту пожал плечами. Он вообще был немногословен и осторожен в выводах. Его стихией было действие. В решительные моменты на него можно было положиться как на самого себя. Как-никак, а во время афганской кампании он служил в разведвзводе.

– А вы что скажете, Сергей Иванович? – обратилась я к нашему аналитику Кряжимскому.

Кряжимский был нашим старейшим сотрудником и по праву считался средоточием опыта и интеллекта.

Он ответил не сразу – обвел нас спокойным задумчивым взглядом, прокашлялся, а потом деликатно сказал:

– Случай, конечно, не совсем обычный, дорогие коллеги. И я, например, не беру на себя смелость делать какие-либо выводы. Единственно, что я могу себе позволить, это высказать два предположения. Одно из них такое: не исключено, что эта женщина действительно не вполне здорова. В таком случае это выяснится очень быстро – я думаю, в первой же беседе с сыном или с соседями. Но если ее рассказ – не болезненная фантазия, тогда, мне кажется, положение очень серьезное. Безусловно, мы должны помочь, но, к сожалению, никто из нас не знает, как это сделать, не так ли? Нам неизвестно, откуда исходит опасность.

– Ищи того, кому это выгодно! – важно изрек Ромка, вмешиваясь в монолог.

– Вот именно! – сказал Кряжимский, с мягкой укоризной глядя на курьера. – Кому может быть выгодна смерть одинокой, небогатой, обремененной проблемами женщины? Пока мне в голову ничего не приходит...

– Может, она только притворяется небогатой? – скептически произнесла Марина.

– Все может быть, – наклонил голову Кряжимский. – Все-таки у нас маловато информации, чтобы выдвигать гипотезы.

– Я мог бы потусоваться у них во дворе, – предложил Ромка. – Поговорить с пацанами. Они наверняка что-то знают. В смысле, об этом Игоре...

– Давайте не будем спешить, – предупреждая поднял руку Кряжимский. – Ольга Юрьевна уже договорилась о встрече. Полагаю, это более надежный способ что-то выяснить. Со своей стороны, предлагаю обратиться в то отделение милиции, где якобы зафиксирован случай разбойного нападения. Если не возражаете, я этим займусь.

– Это было бы неплохо, – заметила я. – Что же касается Ромкиного предложения, то тут я категорически возражаю. Боюсь, в лице Ромки наша редакция будет выглядеть не слишком авторитетно, особенно для местных пацанов. Как бы они ни навешали ему синяков...

В ответ на это заявление Ромка ничего не сказал и лишь безнадежно махнул рукой, давая понять, что уже давно разочаровался в наших умственных способностях. Несмотря на свою скромную должность, Ромка всерьез считает себя гением сыска и убежден, что добился бы на этом поприще гораздо больших успехов, если бы его не тормозили коллеги по работе.

– Итак, договорились! – подытожила я. – Сергей Иванович заглянет в милицию, а я встречу с Чижовой и побываю на местах событий... Пожалуй, я бы взяла с собой Виктора. Ведь не исключено, что за нами кто-то будет наблюдать. Но, пожалуй, Татьяна Петровна может стесняться, если мы заявимся вдвоем. Поэтому сначала я попробую наладить контакты сама...

– Возьмите газовый баллончик! – неожиданно предложил Виктор, и это было первое, что он сказал за время обсуждения.

Предложение звучало довольно разумно и косвенно указывало на то, что Виктор вполне допускает: рассказ Чижовой не является болезненной фантазией. Впрочем, уточнять свою позицию наш фотограф не стал. Я же доверилась его опыту и перед уходом все-таки запаслась баллончиком.

К часу я уже была на Перспективной улице. Дом, в котором проживала Татьяна Петровна, оказался стандартной «хрущобой», на первом этаже которой располагалась аптека. Район казался довольно тихим, хотя и находился в двух шагах от центра города. Видимо, учитывая оба эти обстоятельства, какие-то предприимчивые люди открыли здесь казино под названием «Колесо фортуны». Его золоченая вывеска висела как раз напротив дома, в котором жила Чижова. Для меня существование этого заведения оказалось неожиданностью – его появление как-то прошло мимо моего внимания.

Я вошла во двор дома. Здесь не было ничего необычного. Несколько чахлых деревьев, не слишком ухоженные клумбы, железные гаражи. На балконах мирно сохло белье.

Я поднялась на пятый этаж и остановилась перед дверью тридцатой квартиры. Дверь была безо всякой отделки, зато следы взлома сразу бросались в глаза: на косяке остались вмятины и царапины. Видимо, взломщики, не мудрствуя лукаво, попросту отжали дверь ломиком.

Однако дверь была заперта – наверное, хозяйка сразу же сменила замок. Я позвонила. Раздались торопливые шаги, и дверь открылась.

Татьяна Петровна стояла на пороге. На лице ее было прежнее выражение озабоченности, и она как будто совсем позабыла о нашем свидании – во всяком случае, мое появление, кажется, немного ее удивило. Впрочем, она тут же улыбнулась извиняющейся улыбкой и сказала:

– Вы все-таки пришли. А я уж тут себя ругаю – может, зря я все это затеяла? Да вы проходите! У меня, правда, беспорядок... Совсем запустила квартиру...

Она проводила меня в комнату. Особого запустения я не заметила, но вся обстановка свидетельствовала о том, что материальное положение этой семьи было весьма далеко от идеального. Гардероб перегораживал комнату пополам, образуя как бы два помещения. На светлой половине с окном стоял простой письменный стол, а рядом – аккуратно застеленная кровать, из-под которой выглядывали разборные гантели, отливавшие холодным стальным блеском.

Сама Татьяна Петровна, видимо, спала на старом диванчике, располагавшемся по другую сторону от шкафа. Здесь же стоял большой телевизор старой модели. Больше ничего в комнате не было, если не считать книжной полки с несколькими затрепанными детективами и кипой глянцевого журналов с бронзовокожими атлетами на обложках.

– Вы посидите пока, – предложила Татьяна Петровна. – Я только Игорю поесть соберу... Сами знаете, как сейчас в больницах кормят. А он, представьте себе, все время есть просит, – с неловким смешком призналась она. – И возраст такой, и атлетика эта, будь она неладна! Ну да куда денешься? Все лучше, чем по улицам шататься...

Я не стала садиться, а последовала за Татьяной Петровной на кухню. Тут было так же чисто и так же аскетично, как в комнате. Наблюдая, как хозяйка укладывает в сумку продукты, я спросила:

– Простите, Татьяна Петровна, вы не замужем?

Не прерывая своего занятия, Чижова сказала будничным тоном:

– Мы развелись. Это было давно. Игорю было тогда шесть лет. – Она оглянулась по сторонам, опасаясь что-нибудь забыть.

– Муж поддерживает с вами отношения? – задала я следующий вопрос.

– Слава богу, нет, – сказала Чижова. – Я считаю, это ни к чему, да мы и живем довольно далеко друг от друга. Он остался в Горьком, то есть теперь в Нижнем Новгороде...

– Но он выплачивает сыну алименты? – уточнила я.

Татьяна Петровна пристально посмотрела на меня и ответила твердо:

- Ни алиментов, ни писем, ни открыток ко дню рождения! Мы расстались раз и навсегда. Если ты не хочешь делить с человеком невзгоды и радости, тем более некрасиво делить его деньги - я так считаю!

- Возможно, вы правы, - сказала я. - Просто я подумала: не могли ли последние события быть отражением вашего с мужем конфликта?

- Да что вы! - устало заметила Чижова. - Это сугубо мирный, безвольный человек. Инженер по измерительной аппаратуре. Рыбалка, пиво, футбол. Сейчас он, наверное, толстый, лысый и апатичный. Если, конечно, не спился. Это единственное, что он мог совершить в своей жизни эксцентричного...

- Вы, кажется, очень сердиты на мужа, Татьяна Петровна, - заметила я.

- Наверное, - хмуро кивнула Чижова. - Хотя правильнее сказать, что я сердита на саму себя. За совершенную ошибку...

- Мы не можем прожить жизнь без ошибок, - напомнила я.

- Это верно. Только некоторые даже не догадываются о своих ошибках, - с горечью произнесла Чижова. - Меня же, можно сказать, просто ткнули в нее носом... Но давайте не будем об этом. Все это уже былем поросло... Вы не раздумали ехать со мной в больницу?

- Нет, конечно, - ответила я. - Только, к сожалению, я не сообразила позаботиться о гостинцах. Будет, пожалуй, неудобно...

- Не беспокойтесь! - махнула рукой Чижова. - Игорь терпеть не может подарков от чужих людей. Он максималист.

- Наверное, это ваша черта, - с улыбкой сказала я.

- Ну что вы! В моем положении основной чертой является искусство компромисса, - возразила Чижова. - Максимум - это привилегия юности. Только не подумайте, что я считаю это достоинством. Я вот заранее боюсь, что вы с

Игорем не найдете общего языка...

- Ничего страшного, - сказала я. - Мне нужно задать ему всего лишь два-три вопроса. Надеюсь, он не будет возражать.

- Я постараюсь ему все объяснить, - пообещала Чижова. - А теперь, наверное, можно отправляться? Мы как раз успеем к концу тихого часа...

- Да, пожалуй, пора, - согласилась я. - Только еще один вопрос, Татьяна Петровна. Квартиру вашу, конечно, завидной не назовешь, но, возможно, все-таки кто-то имеет на нее виды?

- Ну, подумайте сами, кто позарится на эту халупу? - презрительно сказала Чижова. - Дом старый, крыша протекает, неделями не бывает воды... И потом, это же не комната в коммуналке, которую можно присоединить к своей жилплощади. Сын, разумеется, здесь прописан. Выходит, нужно убивать нас обоих? Нет, как хотите, это, по-моему, полный абсурд!

- Возможно, вы правы, - согласилась я. - Но, может быть, вы вспомнили что-нибудь о соседях? Какая-нибудь личная неприязнь?

- Исключено, - покачала головой Чижова, заметив со сдержанной гордостью: - Мы поддерживаем со всеми соседями ровные, дружеские отношения. Насколько я знаю, даже у Игоря ни с кем из них не было конфликтов, а это все-таки необычно в его возрасте. И соседи нас не обижают... Вот свежий пример: Валентин из квартиры напротив сразу же врезал нам замок и не взял никаких денег за это... Нет-нет, никакой личной вражды, можете быть уверены!..

На какое-то мгновение она запнулась и обвела стены тревожным взглядом. Потом, вздохнув, произнесла с отчаяньем:

- Только подумать - они здесь были! И ждали нас ночью! Какой ужас!

- Почему вы думаете, что теперь это были они, а не он? - поинтересовалась я.

- Мне так кажется, - сказала Чижова. - Один с нами не справится. Но решил в ту же ночь поправить дело. Поэтому наверняка он прихватил с собой дружков. Они

ждали нас обоих...

- Все-таки напрасно вы не обратились в милицию, - заметила я.

- Что она может, эта милиция? - сказала Татьяна Петровна. - Милиция теперь служит тем, у кого есть деньги. Мы, нищие, им не интересны. Может быть, когда на сцене появится труп...

- Тьфу-тьфу-тьфу! - сердито сказала я. - Что вы такое говорите!

- А что мне остается говорить? - безнадежно отозвалась Татьяна Петровна. - Конечно, я тоже надеюсь, что это какая-то ошибка... Но... - она только махнула рукой, - ладно, пойдете! Все равно мы здесь ничего не высидим!

Покинув квартиру, мы вышли на улицу. Теперь в компании Чижовой я невольно обращала внимание на каждую мелочь: на приоткрытую дверь чужой квартиры, на одинокого прохожего, застывшего на краю тротуара, на вывернувшуюся из-за угла автомашину. Татьяна Петровна казалась ко всему равнодушной, мысли ее были где-то далеко, - возможно, она думала о сыне. Но для человека, которого намереваются убить, она выглядела чересчур рассеянной. Я не удержалась, чтобы не сообщить ей об этом.

- Вы думаете, они могут напасть вот так, среди бела дня? - удивилась Чижова. - Я как-то не задумывалась об этом... Наверное, вы правы, и мне следует быть осторожнее. Но только я ужасная трусиха! Если я каждую минуту буду ждать нападения - я и шагу не смогу ступить!

- Вы не производите впечатления ужасной трусихи, - заметила я. - Пожалуй, даже наоборот. В вашей ситуации следует быть внимательнее. Желательно бы подмечать каждую мелочь, каждое новое лицо, каждое подозрительное слово...

- Знаете, сейчас мне каждое слово кажется подозрительным, - невесело усмехнулась Чижова. - Собственно, я потому к вам и пришла - сыщик из меня никудышный!

- Я тоже не Шерлок Холмс, - заявила я. - Ваш случай слишком необычен. По тем фактам, что вы сообщили, трудно сделать какие-то выводы. Мне позарез нужна

информация. Поэтому я и призываю вас не забывать про мелочи. Они могут оказаться решающими.

– Я понимаю, – покорно сказала Чижова. – Но что же делать? Я постаралась быть внимательнее.

Впрочем, и после этого обещания поведение ее мало изменилось. Пока мы добирались до остановки, а потом ехали в трамвае, Татьяна Петровна сосредоточенно молчала, погруженная в свои мысли. Я опять попыталась ее разговорить.

– Итак, насколько я поняла, вы приехали в Тарасов из Нижнего Новгорода, – сказала я. – Родственников у вас здесь нет, с соседями вы живете душа в душу. Может быть, что-то на работе?

Чижова невольно рассмеялась.

– Простите, – смущенно сказала она. – Вы, наверное, плохо представляете, что такое коллектив детского дома... Женщины, разрывающиеся между семьей и неблагодарным, бесконечным трудом. Горшки, сопли, детские утренники... Многие вынуждены подрабатывать, потому что денег, которые платят, никогда не хватает... Здесь неизбежны обиды, сплетни, зависть. Но все это настолько банально! Есть люди, которых я могу назвать своими недоброжелателями, но даже они в роли заказчиков моего убийства... Нет, это просто смешно! Да и чем они будут расплачиваться с киллером – теми грошами, которые выплачивают с двухмесячной задержкой? Нет, это просто нелепо!

– Почему же нелепо? – возразила я. – Известны случаи, когда убийца выполнял свое черное дело за бутылку самогона. Цена человеческой жизни падает...

– Все равно, это не укладывается в голове, – промолвила Чижова. – Может быть, вы правы. Но мне трудно представить, чтобы наши дамы водили компанию с уголовниками. Если бы вы видели того типа! Он явился ко мне совсем из другого мира...

– И все-таки, если не возражаете, мне хотелось бы поговорить с вашими коллегами по работе, – сказала я. – Лучше всего – с недоброжелателями...

– Да ради бога! – спокойно ответила Татьяна Петровна. – Только не совсем ясно, как я вас им представляю...

– Меня не нужно представлять, – успокоила я ее. – Сама что-нибудь придумаю. Но сначала попробую поговорить с вашим сыном...

Игорь ждал мать в вестибюле. По-видимому, ему уже был в тягость больничный режим, и он всеми способами старался от него уклониться. Лобастый, крепко сбитый и хмурый, он выглядел старше своих лет, и даже мятая бесформенная пижама не делала его смешным. Правая рука Игоря была перебинтована.

Увидев мать, он довольно степенно двинулся ей навстречу, и только в серых, глубоко посаженных глазах вспыхнула радостная искорка. Впрочем, она тут же погасла, когда Игорь понял, что мать не одна. Он повел себя так же, как обычно ведут себя подростки, оказавшись в компании привлекательной женщины, которая гораздо старше их. Он явно испытывал неловкость, которую пытался скрыть за вызывающим и даже грубоватым поведением.

– Вот, Игорек, я и пришла, – сказала Татьяна Петровна. – Поесть тебе принесла. Как у тебя дела, сынок?

– Нормально! – буркнул Игорь, взяв у матери сумку. – Я сейчас отнесу все в холодильник, – предупредил он, намереваясь уйти.

– Что же ты не здороваешься, сынок! – с упреком сказала Татьяна Петровна. – Это Ольга Юрьевна, из газеты... Я просила ее нам помочь...

– Здравствуйте, – с усилием произнес Игорь. – А чего нам помогать? – взгляд его украдкой чиркнул по моей фигуре и ушел куда-то в сторону. – До сих пор вроде сами справлялись... – Сказав это, он поспешно пересек вестибюль и скрылся в коридоре отделения.

– Не обращайтесь внимания, – грустно сказала Чижова. – Подростки всегда грубят красивым женщинам. Это способ самозащиты от ваших чар.

– Вы говорите это так, словно не относите себя к прекрасному полу, – заметила я. – Не слишком ли это печально звучит?

– Да бросьте! – с досадой промолвила Чижова. – Какой там прекрасный пол! Я просто мать.

Вернулся Игорь – уже налегке – и тут же предложил матери прогуляться по больничному двору. Мы вышли на огороженную бетонным забором территорию больницы и уселись на свободной лавочке в тени старого вяза.

– Послушай, Игорь! – начала я безо всяких предисловий. – Твоя мама попросила меня помочь разобраться в том неприятном инциденте, из-за которого ты попал в больницу. Как, кстати, твоя рука?

– А что рука? – мрачно произнес он, взглядывая на мать. – Сухожилия порезал. Врач сказал – заживать будет долго. Ничего, заживет! – добавил он убежденно, адресуясь явно к матери. – Главное, это разрабатывать руку... Все будет нормально!

– Я рада, что ты так настроен, – сказала я. – Вообще, кажется, у тебя есть характер. Не страшно было идти против вооруженного бандита?

Игорь снисходительно посмотрел на меня.

– А если бы вашу мать хотели пырнуть ножом? – спросил он. – Вам было бы страшно?

– Наверное, – сказала я. – И вряд ли я с ним справилась бы, кстати. А как тебе это удалось?

– Я выжимаю сто кило, – небрежно сообщил Игорь. – Если бы этот урод был без ножа, я вообще оставил бы от него мокрое место! Ему повезло...

– Как ты думаешь, кто это мог быть? – спросила я.

Игорь пожал плечами.

– Сейчас этой сволочи везде полно, – с ненавистью сказал он. – Наркоман, наверное. Они за дозу мать родную придушат!

– Значит, ты думаешь, что нападение было совершенно случайным? И ты никогда раньше не видел этого человека?

Игорь с недоумением посмотрел на меня.

– Нет, конечно! – сказал он. – С чего вы это взяли?

– Дело в том, что твоя мама считает, что за ней следят, – объяснила я. – И, между прочим, в ту же ночь кто-то забрался в вашу квартиру... Вряд ли это простое совпадение!

Игорь открыл рот, а потом с негодованием уставился на мать.

– Ты мне ничего не сказала! – возмущенно воскликнул он.

– Ладно-ладно, не заводись! – спокойно сказала Татьяна Петровна. – Зачем я буду волновать тебя, раненого?

– Вот ничего себе! – задохнулся Игорь. – И ты говоришь это так спокойно? Их поймали?

– Никого никто не ловил, – терпеливо сказала Татьяна Петровна. – Они взломали дверь, а потом тихо ушли. Их даже никто не видел. Но они ничего не взяли, поэтому я решила...

– Все! Я сейчас же выписываюсь! – заявил Игорь, вскакивая со скамейки. – Ты там дрожишь по ночам от страха...

– Я ночую на работе, – сказала Татьяна Петровна. – Не волнуйся.

– Ничего себе, не волнуйся! – упавшим голосом произнес Игорь, опять опускаясь на свое место, он явно был очень расстроен. – Ты, конечно, даже в милицию не обращалась!

Татьяна Петровна виновато улыбнулась.

– И все-таки, Игорь, подумай хорошенько, кто это может быть? – сказала я строго. – Ведь так не бывает, чтобы ни с того ни с сего...

Игорь угрюмо посмотрел на меня и здоровой рукой пригладил светлые волосы. Я заметила, что он совсем не похож на мать – даже волосы у них были разного цвета.

– Я думаю, – сообщил он. – Но мне абсолютно ничего не приходит в голову. Если вы решили, что это я связался с какой-то компанией, то вы сильно ошибаетесь! Никто из моих друзей даже не курит, – он взглянул на меня почти враждебно. – И, между прочим, не пьет!

– погоди! – сказала я. – Ничего такого я не решила. С чего ты взял? Но у тебя ведь могли быть с кем-то конфликты...

– При чем тут мои конфликты? Мать-то тут при чем? Говорю вам, я вообще раньше не видел этого человека!

– Ну, а смог бы ты его узнать, если бы еще раз увидел?

– Если близко, наверное, узнал бы, – пожал плечами Игорь.

– Хорошо, тогда, если вдруг где-то увидишь его или что-то вспомнишь – позвони по этому телефону, – я дала Игорю визитную карточку с номером телефона редакции.

Он повертел ее в пальцах и опустил к карман пижамы. Судя по его виду, он с удовольствием выбросил бы карточку в урну, но постеснялся сделать это в моем присутствии.

Мы с Чижовой поднялись со скамейки одновременно и, словно прочитав мысли друг друга, отошли в сторонку.

– Я сейчас, Игорек! – заботливо сказала Татьяна Петровна, оборачиваясь к сыну.

Он только досадливо тряхнул головой.

– Пожалуй, я пойду, – негромко сообщила я. – Вам ведь нужно пообщаться с сыном. Не хочу вам мешать.

– Вы хотели зайти ко мне на работу, – напомнила Чижова.

– В следующий раз, – ответила я. – По правде сказать, мне хотелось бы посетить секцию, куда ходит Игорь. Это возможно?

– Думаю, да. Он занимается в спорткомплексе «Молодость» на Трудовой улице, у тренера Липягина. А вы думаете...

– Честно говоря, не знаю, что и думать, – призналась я. – Просто стараюсь найти хоть какую-то ниточку. Не с неба же свалилась на вас эта напасть!

Татьяна Петровна посмотрела на меня с сомнением, но ничего не сказала.

– Если что – вы знаете, как меня найти, – напомнила я, прощаясь. – До свидания.

Чижова смотрела мне вслед, пока я не дошла до ворот больницы, а потом вернулась к сыну.

Глава 3

– Конечно, я знаю Чижова Игоря! – сказал тренер Липягин. – Прекрасно знаю. Он занимается у меня третий год. А что, собственно, случилось?

Мы стояли в коридоре спорткомплекса «Молодость». За полуоткрытой дверью зала периодически раздавался гулкий металлический грохот – там «качали железо». Липягин – крупный, начинающий лысеть мужчина с могучими плечами, распирающими ткань спортивной куртки, очень серьезно посмотрел на меня.

– Я пока сама пытаюсь понять, что случилось, – ответила я. – Но вы, конечно, слышали, что Игорь пострадал в схватке с бандитом?

– Разумеется, – нахмурился Липягин. – Мы с ребятами навещали его в больнице. Все очень переживают. Травма серьезная. Жалко парня!

– Он рассказывал, при каких обстоятельствах это произошло?

– Да, какой-то негодяй набросился на его мать, – с негодованием сказал тренер. – Конечно, у Игоря не было другого выбора. К сожалению, мы только качаем силу, а в ту минуту ему больше быгодились боевые единоборства. Но, во всяком случае, он поступил как мужчина. Возможно, это прозвучит неуместно, но я горжусь, что сумел привить парню эти качества...

– Никак не хочу приуменьшить вашей роли, – заметила я. – Но вы уверены, что это только ваша заслуга?

Липягин внимательно посмотрел на меня и скрестил на груди крепкие руки.

– Процентом на восемьдесят, – уверенно заявил он. – Все-таки надо учитывать, что мальчик растет без отца, мать много работает... Я считаю, что для таких подростков, как Игорь, воспитательная роль коллектива имеет первостепенную роль. Здесь, в секции, он нашел нравственную опору, понимаете? Я ведь не только учу их поднимать штангу, я пытаюсь привить ребятам некие принципы... Ведь сила без головы и без морали – это страшная, разрушительная вещь. К сожалению, многие сейчас этого не понимают.

– А Игорь – он понял? – поинтересовалась я.

– Надеюсь, что понял, – сказал Липягин. – Может быть, не все пока и не до конца... Но он на правильном пути, я уверен.

Глядя в его спокойные глаза, я невольно тоже почувствовала эту уверенность. Вообще, этот большой, сильный человек был как бы воплощением надежности и порядка. Но ясности в мое дело не внес даже он.

– Ну, а вообще, какого вы мнения об Игоре? – спросила я. – Вы сказали, что прекрасно его знаете. Можно это понимать так, что у него нет от вас тайн?

– Парнишка, конечно, непростой, – задумчиво произнес Липягин. – И однозначного ответа я дать не могу... Но тут другой вопрос – не пойму, куда вы клоните? У меня такое впечатление, что вы в чем-то Игоря подозреваете? Кстати, откуда вы-то о нем узнали? Из милицейских сводок?

– Ладно, не будем ходить вокруг да около, – сказала я. – К нам обратилась сама Чижова. Она уверена, что на нее напали далеко не случайно, хотя никаких разумных причин этому не видит. Теперь вот я пытаюсь отыскать эти причины...

Липягин недоверчиво посмотрел на меня.

– Я несколько раз встречался с Татьяной Петровной, – рассудительно заметил он. – Она показалась мне немного замкнутой и нервной. Ей приходится нелегко. Но эти разговоры о таинственных причинах... Она же не принцесса Диана, согласитесь! Я уверен, это было обычное по нашим временам нападение с целью ограбления. Игорь, кстати, тоже так думает...

– Есть некоторые обстоятельства, – намекнула я, – которые позволяют в этом сомневаться... Если, конечно, верить словам Чижовой.

– Ну-у, знаете! – Липягин недоверчиво покачал головой. – Нервы, усталость, постоянная тревога могут спровоцировать человека на неоправданную подозрительность...

– Возможно, – сказала я. – И все-таки, если поверить Татьяне Петровне, кому она, образно говоря, могла перейти дорогу? Вы общаетесь с ее сыном, – может быть, вы уловили какой-то намек, может быть, что-то вас насторожило?

Липягин старательно задумался, глядя в окно, за которым покачивались густые кроны деревьев, залитые послеполуденным солнцем.

– Честное слово, не знаю, что вам сказать! – произнес он наконец. – Никаких тайн, мне кажется, в жизни Игоря нет. Он прилично учится, мать уважает и старается беречь, не заметил я за ним ни особой страсти к деньгам, ни каких-то вывертов – ну, там, алкоголь, наркотики... В душу, конечно, не заглянешь... – Он опять нахмурился и вдруг сказал: – Не знаю, стоит ли об этом?.. История давняя, да и я знаю о ней только понаслышке... Лет десять назад Татьяна Петровна рассталась с мужем при каких-то драматических обстоятельствах. Но ни она, ни

Игорь об этом не распространяются. Да скорее всего это и не имеет никакого отношения к делу. Они расстались раз и навсегда – насколько я понял, они больше ни разу не контактировали...

– Да, Татьяна Петровна упоминала об этом, – кивнула я. – Наверное, на самом деле это тут ни при чем... А больше вы ничего не можете вспомнить?

– К сожалению, нет, – ответил Липягин. – Вы можете мне верить, на криминал у меня взгляд наметан – как-никак я четыре года служил в милиции...

– Почему же уволились? – поинтересовалась я.

– Спорт перевесил, – улыбнулся Липягин и добавил: – К сожалению, особых удач и на этом поприще мне добиться не удалось. Но я доволен – делать из пацанов мужчин – тоже, согласитесь, не самое плохое занятие!

– Очень хорошее, сказала бы я! Мне только остается пожелать вам удачи и попрощаться.

– Ну что ж, всего хорошего! – отозвался Липягин. – Если что-то понадобится – всегда к вашим услугам... Только, поверьте мне, все, что случилось с Татьяной Петровной, – трагический эпизод, не более. Все будет хорошо – я надеюсь!

Мне тоже хотелось надеяться, но я знала то, чего не знал Липягин. Хотя его слова заставили меня задуматься. Конечно, никакие нервы не могут объяснить взломанные замки, но других доказательств взлома, кроме вмятин на двери, я не видела. Вполне возможно, Татьяна Петровна чего-то недоговаривает или намеренно искажает факты. Для чего это ей нужно – можно только гадать. Я встречала людей, готовых на все только ради того, чтобы попасть на страницы газеты. В нашем веке это становится просто манией. Правда, внешне Татьяна Петровна менее всего походила на такого человека. Но, как мудро выразился тренер Липягин, – в чужую душу не влезешь.

В редакцию я вернулась, полная сомнений. Было похоже на то, что мы просто теряем время и никакой загадки на самом деле не существует. В этом были убеждены, кажется, все, кроме Чижовой. Но она, как выразились бы законники, была лицом заинтересованным.

Все наши оказались на местах, в том числе и Кряжимский, который выглядел очень недовольным. На мой вопрос, что нового он узнал в милиции, Сергей Иванович только махнул рукой.

– Полное безобразие! – в сердцах произнес он. – Поверите ли, Ольга Юрьевна, мне было очень стыдно выслушивать этот лепет, но, видимо, отказ в возбуждении уголовного дела становится обычной практикой! Меня долго футболили туда-сюда, пока наконец какой-то капитан не соблаговолил все-таки меня выслушать. Он был очень осторожен и уклончив, но в конце концов вынужден был признать, что случай разбойного нападения на Кутузовской имел место. Однако, как многозначительно сообщил он мне, уголовное дело по этому случаю не возбуждалось, так как потерпевшие сами отозвали свое заявление. Мало того, что юридически это звучит вопиюще неграмотно, так это еще, мягко говоря, неправда! Никакого документального подтверждения этот капитан не представил, сославшись на служебную тайну... Что вы на это скажете?

– Конечно, это безобразие, – заметила я. – Но все-таки это немного другая история. Нас интересует только тот момент, что нападение действительно имело место, а не является вымыслом. Хотя, признаться, я в этом и не сомневалась... Увы, ничего нового мы не узнали!

– Но вы все-таки общались с Чижовой? – спросил Кряжимский. – Какие-то соображения у вас появились?

– Самое ужасное, что никаких! – ответила я. – Чижовы живут очень бедно, квартиру занимают самую заурядную, в «хрущевке», на пятом этаже. В то же время на входной двери определяются следы взлома. По словам Чижовой, из квартиры ничего не пропало. Она же сказала, что новый замок ей вставил сосед из квартиры напротив. Этот факт можно проверить, но скорее всего он подтвердится. Кто-то действительно проникал в квартиру. Боюсь, однако, что это все-таки совпадение. Сын Чижовой убежден, что на его мать напал случайный человек, наркоман. Того же мнения придерживается и тренер сына, кстати, по-моему, положительный человек. Он же убеждал меня, что Игорь Чижов ни в чем предосудительном не замешан. В общем, получается полная чепуха. Конечно, назвать Чижову маньячкой нельзя, но та цепочка, которую она выстроила в своем воображении, скорее всего является фантазией...

На лице Ромки отразилось глубочайшее разочарование – подобно великому Шерлоку Холмсу, он находил жизнь без загадочных преступлений невыносимо

пресной. Виктор воспринял мое заявление с философским спокойствием, а Марина – с видимым облегчением. Как девушка рассудительная, она совершенно справедливо полагала, что преступления только мешают наслаждаться жизнью.

Однако у Кряжимского было особое мнение.

– Давайте не будем спешить с выводами, Ольга Юрьевна, – строго начал он. – Лично я не уверен, что эта несомненно сильная женщина склонна к фантазиям. Наоборот, она вполне реально смотрит на вещи. Она не слишком обеспокоилась, когда некий уголовный тип обратил на нее пристальное внимание в трамвае. Даже когда этот мерзавец напал на нее и ранил сына, она не ударилась в панику. И лишь когда следом кто-то проник в ее квартиру, она всерьез обеспокоилась. А как бы вы поступили на ее месте? Посчитали бы все эти факты простым совпадением? Сомневаюсь. Из этого я делаю вывод, что успокаиваться рано.

– Но что же делать? – спросила я. – Во всем этом нет никакой логики!

– Наверное, логика есть, – задумчиво произнес Кряжимский. – Просто мы ее не видим. Я думаю, стоит еще раз побеседовать с Чижовой. Выяснить, что произошло накануне известных событий. Пусть расскажет подробно, что случилось с ней в те дни. Возможно, сама того не ведая, она как-то ввязалась в чужую игру... Ну, я не знаю, может быть, услышала что-то, может быть, оказалась нежелательным свидетелем... Или причины могут скрываться, наоборот, в далеком прошлом, о котором она уже сама забыла. Что мы знаем о ее прошлом?

– Да почти ничего, – сказала я. – Она приехала в Тарасов из Нижнего Новгорода, расставшись с мужем. По слухам и косвенным намекам самой Чижовой, это был драматический момент, но о подробностях она не распространяется.

– Нужно попробовать разговорить ее, – заметил Кряжимский.

– Карты! – неожиданно сказал Виктор.

Все головы повернулись в его сторону, а Маринка недоуменно спросила:

- При чем тут карты?

- То есть ты считаешь, что ее могли проиграть в карты? - уточнила я. - И она, естественно, ничего об этом не знает. А почему именно ее? Кажется, мы выяснили, что она не водит знакомств с уголовниками. Что же, просто ткнули наугад пальцем?

- Во-первых, толком мы ничего еще не выяснили, - заметил Сергей Иванович. - А во-вторых, ничего хитрого - именно ткнули наугад пальцем! Может быть, увидели из окна соседнего дома. Может быть, условие было - прикончить первого встречного, а первой встречной оказалась именно Чижова...

- Виктор, ты меня пугаешь! - сказала я. - Получается, что у нас нет никакой надежды вычислить этих подонков?

Ответ Виктора был вполне в его стиле - он молча пожал плечами.

- А что, может, есть смысл покрутиться в окрестных дворах. Не исключено, что эта темная компания отирается где-то поблизости, - предложила я.

- Я же предлагал это с самого начала! - не утерпев, воскликнул Ромка, обводя нас умоляющим взглядом.

- Сможешь взять это на себя? - спросила я Виктора, который утвердительно кивнул в ответ. - Тогда сегодня же вечером отправляйся в тот район, поговори с местными алкашами. Жалко, у нас нет хотя бы словесного портрета... Знаем только, по словам Чижовой, что этот человек выглядел неряшливым и грязным и взгляд у него был тяжелый и отталкивающий.

- Под это описание попадет половина мужиков в городе, - скептически заметила Маринка. - Это просто ужас, сколько в транспорте попадает неряшливых типов! Про взгляды я уже не говорю.

- Будем действовать от противного, - решила я. - У нас есть пленка для ночной съемки. Виктор, попробуй поснимать в том районе. Возможно, Чижова кого-то узнает.

– Это рискованно, – заметила Маринка. – Неряшливым типам это может не понравиться.

– Я буду осторожен, – пообещал Виктор.

– Ну что же, на том и порешим, – заключила я. – Виктор занимается настоящим, а я прошлым – недавним и совсем далеким. Завтра с утра меня не ждите – навещу Чижову прямо на работе. Заодно побеседую с коллегами. Если понадобится – звоните в детский дом.

Глава 4

Однако позвонили мне гораздо раньше. Кажется, будильник показывал половину третьего, и, естественно, я спала сладким сном. Звонок прогремел над ухом, как выстрел. Я подскочила на своей одинокой постели и, не сразу поняв, на каком я свете, инстинктивно нащупала кнопку выключателя.

Мягкий свет торшера привел меня в чувство. Мельком посмотрев на часы, я с недоверием протянула руку к телефонной трубке. Жизнь моя очень часто бывает чересчур беспокойной, но по ночам я привыкла все-таки спать. Поэтому неожиданный звонок вызвал у меня суеверный страх.

Тем не менее я поднесла трубку к уху и, стараясь говорить твердо, сообщила, что вот она я, и услышала... абсолютно бодрый голос Виктора.

У меня немного отлегло от сердца.

В присущем ему топорно-лапидарном стиле наш фотограф-телохранитель сообщил, что сумел сделать фотографию какого-то типа, который присматривался к дому Чижовой и даже заходил в подъезд. Получилось у него не очень, но вообще-то под описание подходит – рожа еще та!.. Вот он и подумал, что мне стоит показать эту фотографию Чижовой, когда я завтра, точнее, уже сегодня, с ней встречу. Поэтому он, умничка, сразу отправился домой, проявил пленку и напечатал несколько снимков, которые прямо сейчас и доставит мне. Прогуляется пешочком, пока транспорт не ходит, – все равно, мол,

уже нет смысла ложиться.

Виктор живет на другом конце города, но ходит он быстро, и потому это сообщение ввергло меня в уныние: получалось, что мне тоже уже нет смысла ложиться. Но моего коллегу это, кажется, волновало в последнюю очередь – он был в восторге от своей удачи и хотел поделиться этими чувствами со мной. Не в моих правилах гасить инициативу сотрудников, поэтому я сказала в трубку, что буду ждать.

– Впрочем, можешь не торопиться, – не без яда в голосе заметила я. – Ночные прогулки весьма полезны.

Положив трубку, я, чертыхаясь, отправилась в ванную. Сна как не бывало. В доме царила невероятная, оглушающая тишина. Я ощущала себя посторонней, без спроса вторгшейся в сонное царство. Любой шум, любое неловкое движение казалось сейчас святотатством. Нет, ночь все-таки не мое время.

Я привела себя в порядок, переоделась и пошла на кухню, чтобы согреть воду для кофе. За окном неподвижные силуэты спящих домов четко вырисовывались на фоне жемчужно светящегося неба.

Стараясь делать все как можно медленнее, я сварила кофе и поджарила тосты. Потом устроила себе скромный завтрак, хотя есть мне совершенно не хотелось. Как я ни старалась, времени у меня оставалось еще вагон, и, чтобы отвлечься, я принялась размышлять о нашем деле и о гражданке Чижовой, которая сейчас ночевала на жестком казенном диване, одинокая и отчаявшаяся. Может быть, ей тоже не спалось, и она думала о сыне, о его больной руке и молилась, чтобы все было в порядке. Или гадала о том, что ждет ее завтра и откуда ждать предательского удара.

Я вспомнила гипотезу, выдвинутую Виктором, и невольно поежилась. Эта идея, несмотря на всю свою дикую сущность, вовсе не казалась неправдоподобной, а главное, не позволяла искать решение с помощью логики. Возможно, вопреки этой самой логике, Виктору удалось напасть на след, и фотографии многое прояснят.

Размышляя над этим, я незаметно для себя самой задремала, уронив голову на руки. Даже крепкий кофе не помог.

Разбудил меня звонок в дверь. За окнами было уже довольно светло. В лимонно-желтом небе зависли легкие перистые облачка. Лучи невидимого солнца заставляли их сверкать холодным серебряным светом.

Потирая покрасневшую щеку, я пошла открывать. На пороге стоял Виктор с невозмутимым видом. В руках у него была небольшая кожаная папка.

– Заходи! – сказала я. – Хорошо прогулялся? Кофе хочешь?

– Мечтаю! – признался Виктор.

Мы обосновались на кухне, и я опять зажгла плиту. Виктор развалился на стуле, вытянув свои длинные ноги, и с торжествующим видом бросил папку на стол.

Его рассказ мне придется давать в собственном переводе с родного языка нашего фотографа на что-то хотя бы отдаленно напоминающее русский.

Итак, все по порядку.

Сначала мой бесценный сотрудник нашел дом Чижовой и немножко побродил по кварталу. Оказывается, это не самый тихий уголок в Тарасове! Можно сказать, Лас-Вегас в миниатюре! Там открыли казино. Море огней, сверкающие лимузины, испуганные аборигены робко жмутся к стенам домов, глядя на это великолепие... Однако Виктор понял, что наши герои должны вести более скромную жизнь, и углубился в окрестные дворы.

С помощью злодейки с наклейкой ему удалось разговорить парочку неопрятных граждан, страдающих от постоянной жажды. Они объяснили, что мужиков, оттянувших срок, в районе полно, но серьезных среди них мало. В основном сидели кто за мелкое хулиганство, кто за украденный аккумулятор. На убийство вряд ли кто пойдет, разве что если сильно обидеть. Но, в общем, народ покладистый и больше интересуется насчет выпить. Бывает, собираются вместе, но в карты не играют – ничего такого не слышно. Карты – это больше для блатных, а настоящих блатных – раз-два и обчелся.

Мой сыщик поспрашивал, не бывает ли каких-нибудь конфликтов с молодежью. Они согласились, что молодежь нынче шустрая, но конкретно в этом районе

ничем особенным не выделяется. Вообще пацанов маловато, и они не очень бросаются в глаза. По словам гидов, в дни их молодости все было совсем по-другому. Пацанов был полон двор, и они ходили драться «стенка на стенку» в соседний район.

В общем, подтверждения своей гипотезы он пока не нашел, зато много перемещался по округе, видел массу людей с отталкивающими взглядами и многих заснял на пленку. Съемку он, конечно, вел скрытую, и ракурсы не всегда удачные, но коллекция получилась, по его мнению, неплохая. А самое интересное ждало его впереди!

Дело шло к полуночи, жизнь замирала, новые товарищи Виктора здорово захмелели и несли полную ахинею. Тогда он сказал им, что идет за добавкой, и скрылся. Решил еще подежурить возле дома Чижовой.

Мой суперагент тихонько расположился во дворе, который к этому времени совсем опустел, и стал наблюдать, как гаснут окна в домах. Окна Чижовой, выходящие во двор, с самого начала были темными и большого интереса у Виктора не вызывали. Зато после полуночи появился человек, который именно их и рассматривал, причем любопытство у него вызывали прежде всего окна верхних этажей. Не исключено, что он давно там отирался. Вел он себя весьма осторожно. Убедившись, что все спокойно, он вошел в подъезд и стал подниматься.

Немного погодя, Виктор последовал за ним. Слава богу, навыки разведчика он пока не растерял, и ему удалось остаться незамеченным. Нагнал он его уже на пятом этаже. Полной уверенности, что это именно тот самый человек, который нам нужен, не было. Поэтому Виктор решил ограничиться фотосъемкой.

Быстро поднявшись на площадку, он сделал снимок. Этот тип как раз обернулся, и лицо его удачно попало в объектив. Вряд ли он догадался о действиях Виктора, потому что фотоаппарат находился в специальной сумке, но внезапное появление человека на лестнице безусловно насторожило его, и он быстро пошел обратно.

Виктор перехватил его и задал невинный вопрос, не здесь ли он проживает, – я, мол, ищу одну квартиру. Он молча мотнул головой и поспешно спустился по лестнице вниз. Подождав немного, Виктор тоже вышел во двор. Он ожидал

какого-нибудь подвоха, но этот человек уже убрался. Наш фотограф специально обшарил весь двор и заглянул в другие подъезды – его нигде не было.

Тогда он подумал, что в любом случае никакой угрозы этот тип сейчас не представляет и не стоит терять время, поймал такси, приехал домой и сразу засел в лаборатории. А теперь принес мне отчет о проделанной работе.

Я раскрыла кожаную папку и начала раскладывать по столу фотографии. Здесь было не меньше десятка довольно неаппетитных физиономий, снятых на фоне каких-то стен, кустов и подворотен. Освещение во время съемки было совсем неважное, поэтому портреты выглядели довольно зловеще. Трудно было представить, чтобы за этими людьми не было ничего серьезнее кражи аккумулятора. Но Виктор, бесцеремонно сдвинув фотографии в сторону, многозначительно ткнул пальцем в снимок, являющийся жемчужиной этой экзотической коллекции. Я посмотрела на него внимательнее.

С фотографии подозрительно на меня тарасился невысокий коренастый мужчина с короткой стрижкой и круглым злым лицом. На лестничной площадке, где он был снят, горела лампа, поэтому изображение получилось более четким. Виден был даже небольшой шрам на левой щеке мужчины и многочисленные преждевременные морщины, которыми было покрыто его лицо.

Он действительно как нельзя лучше соответствовал описанию, данному Чижовой. И взгляд был неприятный, и пиджачок казался мятым и грязным. Справедливости ради следовало признать, что все остальные портреты тоже ни в чем ему не уступали, но тот факт, что этот тип вертелся около квартиры Чижовой, наводил на размышления.

– Ну что ж, ты хорошо поработал! – похвалила я Виктора. – Захвати эту папку с собой. Может быть, Чижова узнает кого-нибудь. Жалко, что ты упустил этого типа. Но мне пришло сейчас в голову, что мы могли бы показать его фотографию в милиции. Чем черт не шутит, может, он числится в розыске? Слушай, какой же ты молодец, что сделал дубликат. Давай, пока я общаюсь с Чижовой, ты попробуй что-нибудь разузнать в милиции...

Виктор выразил согласие своим обычным способом – кивком головы.

Пожалуй, теперь я окончательно простила ему ночной звонок. Кажется, что-то наконец сдвинулось с места, хотя, как говорит Кряжимский, не будем торопиться с выводами. Окончательно судить об этом можно будет, только когда Чижова узнает кого-нибудь на фотографиях. Но это еще вилами на воде писано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/aleshina_svetlana/deshevle-tol-ko-darom

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)